

Е. В. Сергеева

БИБЛЕИЗМ КАК ЭКСПРЕССЕМА И СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЛИРИЧЕСКОГО СЮЖЕТА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

*Статья посвящена описанию роли библеизма в поэтических текстах XX в. как экспрес-
семы. Библеизмы рассматриваются как особая группа в системе номинативных, эспрес-
сивных и образных средств русского языка и специфическая разновидность поэтизма. Ис-
следуется функционирование библейской лексики в русской поэзии в качестве способа ор-
ганизации лирического сюжета. Выделяется несколько типов контекстов, связанных с
подобным функционированием поэтических библеизмов в лирическом тексте.*

Ключевые слова: библеизм, поэтический библеизм, поэтизм.

E. Sergeeva

BIBLICAL WORDS AS EXPRESSIVE UNITS AND A MEANS OF LYRICAL STORYLINE ORGANISATION IN THE RUSSIAN POETRY OF 20th CENTURY

*The article describes the expressive role of biblical words and expressions in Russian poetic
texts of the 20th century. Biblical words are regarded as a special lexical group within the system
of nominative, expressive and metaphorical means of the Russian language. The author investi-
gates the use of biblical words as a means of organising the storyline of a lyrical text in Russian
poetry and lists several types of contexts where biblical words function as expressive units or
means of storyline organisation in a lyrical text.*

Keywords: biblical word, poetic biblical word, poetic word.

Лингвистика начала XXI в. уделяет все большее внимание функционированию библеизмов в русском литературном языке и художественной речи ([3, 6, 8, 10–14, 17, 19] и др.).

Библеизмы — чрезвычайно интересная группа в системе номинативных, эспрес-сивных и образных средств русского языка. Наличие подобного пласта лексики характерно не только для этого языка, однако значимость этих единиц во многом связана со спецификой русского литературного языка, уникальность формирования которого обусловлена объединением восточно-славянских и южнославянских (церковно-славянских) языковых стихий. Однако, с точки зрения автора статьи, термины «славянизм» и «библеизм» различаются, поскольку первый термин прежде всего эти-

мологический, а второй — тематический; помимо этого, носитель языка отнюдь не всегда способен выделить славянизм в речи или тексте, чаще всего и не нуждаясь в этом, а библеизм при наличии некоторых общекультурных знаний обычно выделяется и как таковой оказывается весьма значи-мым для восприятия речевого произведе-ния в целом.

Как показывает не только материал ис-следования, но и обращение к отечествен-ной поэзии в целом, особенно значимы библеизмы для русской художественной речи, и прежде всего поэтической: тради-ция употребления этих единиц восходит к первым образцам светской поэзии XVIII в., продолжается в произведениях поэтов XIX в. и находит свое логическое заверше-ние в поэтических текстах XX в.

Поэтический библеизм может быть определен как лексема, сверхсловная номинация или целая синтаксическая конструкция, являющиеся номинацией или цитатой из Библии либо восходящие к ней и используемые в поэтическом тексте для идейно-тематического соотнесения с Писанием [14]. Подобный библеизм употребляется для эмоционального и/или эстетического воздействия на читателя и в свете теории художественной речи может быть отнесен к **экспрессемам** — составляющим художественного текста, обеспечивающим восприятие выразительно-изобразительных качеств эстетического языкового образования.

Показательно, что *материалом* исследования послужили произведения многих известных русских поэтов XX в., в которых библеизмы весьма частотны (около 100 единиц и более) — В. Иванова, Г. Иванова, А. Ахматовой, М. Цветаевой, В. Маяковского, Б. Пастернака, М. Волошина, А. Тарковского, И. Бродского, некоторые произведения которых ранее были подробно рассмотрены с интересующей нас точки зрения [12, 13]. При этом, несмотря на индивидуальные отличия в употреблении библеизмов этими авторами, могут быть выделены некоторые общие особенности их использования для организации лирического сюжета, которые и стали основным *предметом рассмотрения* в статье.

Следует прежде всего отметить, что при анализе употребления библеизмов поэтами XX в. интересны несколько аспектов, связанных как с формальной употребительностью этих единиц, так и с их значимостью для организации содержания поэтического текста в целом.

1. Если обратиться к «формально образной» функции поэтического библеизма, то рассмотрение поэтических текстов XX в. демонстрирует, что библеизм может использоваться как элемент тропеической конструкции, особенно часто — сравнения: В юдоли слез трех райских кущей, Как

Петр восторженный, ищущий... [4, т. 2, с. 185], «...костер заката рдеет красной купиной» [5, с. 71] и др.

2. Необходимо отметить также формальный набор библейской поэтической лексики в лирических произведениях авторов XX в. Вполне ожидаемо, что среди библеизмов, употребляемых в рассмотренных текстах, выделено значительное количество наименований Бога, небесных и антибожественных сил (Бог, Господь, Творец, Отец, Христос, Мария, дьявол, ангел, серафим и др.). Помимо этого, весьма частотны в поэтических текстах XX в. лексические единицы, связанные с известными сюжетами Писания, на которых основываются многие произведения как словесного, так и изобразительного искусства. Это прежде всего нарицательные существительные, обозначающие значимые библейские реалии или персонажей (апостол, пророк, ковчег, (Вифлеемская) звезда, потоп, притча и др.), антропонимы, связанные с событиями Ветхого и Нового Завета (Ева, Адам, Израиль, Иов, Ирод, Лазарь, Лука, Петр, Иоанн, Авраам, Исаак, Лазарь, Давид, Ной, Иаков, Пилат, Лот, Саул и десятки др.), и топонимы — наименования местностей, где происходит действие в Библии или Евангелии (Галилея, Иордан, Иерусалим, Кана, Эммаус, Фавор, Назарет, Иордан, Содом, Вифлеем, Синай и др.) [14].

3. При рассмотрении поэтических библеизмов заслуживает внимания то, что содержание некоторых стихотворений русской поэзии XX в., отнюдь не относящихся к поэзии религиозной и не предназначенных для демонстрации религиозных взглядов автора, может быть связано с демонстративной установкой на пересказ и/или интерпретацию библейского повествования как представляющего общечеловеческий фабульный элемент или «сверхцивилизационную» интерпретацию. На это могут прямо указывать их названия: «Библейские стихи» А. Ахматовой, «Армагеддон»,

«Видение Иезекииля» и «Иуда-апостол» М. Волошина, а также «Исаак и Авраам», «Сретенье», «Бегство в Египет», «Рождественская звезда» И. Бродского.

В подобных текстах, полностью или частично воспроизводящих известные сюжеты с заданными персонажами и реалиями, употребляется большое количество библеизмов, без которых «поэтический пересказ» невозможен: Рахиль, Иаков, Мелхола, Давид, сеятель, ковчег, бес, силы, Исаак, Авраам, агнец, ангел, Ревекка, Израиль и многие др. При этом поэтическое переложение библейского текста может быть предельно близким претексту, следуя сюжетной линии Писания: «И встретил Иаков в долине Рахиль, Он ей поклонился, как странник бездомный. Стада подымали горячую пыль, Источник был камнем завален огромным. Он камень своею рукой отвалил И чистой водою овец напоил» [1, с. 224]; «А было поведено старцу сему, о том, что увидит он смертную тьму не прежде, чем сына увидит Господня. Свершилось» [15, с. 287].

Однако в подобном тексте на основе соответствующего сюжета, воплощенного с помощью тематически значимых библейских лексических единиц, могут «надстраиваться» смыслы, актуальные для художественной картины мира именно этого автора, как это происходит в стихотворении А. Ахматовой «Мелхола» («Библейские стихи»), где читатель видит фрагмент типичного произведения любовной лирики поэта, даже не пытающегося стилизовать его под библейские любовные стихи: «Как тайна, как сон, как праматерь Лилит... Не волей своею она говорит: “Наверно, с отравой мне дали питье, И мой помрачается дух. Бесстыдство мое! Унижение мое! Бродяга! Разбойник! Пастух! Зачем же никто из придворных вельмож, Увы, на него не похож? А солнца лучи... а звезды в ночи... А эта холодная дрожь...”» [1, с. 226].

4. Возможна также ситуация, когда и прецедентные библейские имена, и в целом «правильно пересказанный» сюжет Писания служат для поэта лишь основой для размышлений лирического героя («Исаак и Авраам» и «Сретенье» И. Бродского). Так, для И. Бродского очень важна именно заключительная часть стихотворения «Сретенье», посвященная уходу Симеона из храма, которой вообще нет в Св. Писании, причем оказывается, что этот фрагмент не менее важен, чем само предсказание Симеона, поскольку в нем не только описывается процесс «ухода» из храма и земной жизни вообще, но и дается характеристика Младенцу-Христу как воплощенному свету, который сильнее смерти: «Он шел умирать. И не в уличный гул он, дверь отворивши руками, шагнул, но в глухонемые владения смерти. Он шел по пространству, лишенному тверди, он слышал, что время утратило звук. И образ Младенца с сиянием вокруг пушистого темени смертной тропой душа Симеона несла пред собою как некий светильник, в ту черную тьму, в которой дотолле еще никому дорогу себе озарять не случалось. Светильник светил, и тропа расширялась» [15, т. 2, с. 289].

5. Чрезвычайно интересно то, что библеизм, даже единичный, может становиться основой текста, главное содержание которого — не отсылка к конкретным событиям, изображенным в Св. Писании, а переживание применительно к лирическому герою вечно актуального сюжета, как это можно увидеть в произведениях Б. Пастернака «Ева», «Эдем», «Будущее! Облака встрепанный бок!..», А. Ахматовой («Исповедь» и «Библейские стихи»), а также некоторых стихах И. Бродского («24 декабря 1971 г.» и др.). Содержание подобных текстов может основываться на полном переосмыслении библейской ситуации, служащей лишь исходной точкой лирического сюжета (например, «О первое солнце...» М. Цветаевой).

6. Рассмотрение библеизмов в плане их функционирования в лирическом сюжете позволяет выделить несколько типов контекстов.

- Соотнесение личности лирического героя или лирической героини с личностью героя [героини] библейского повествования: «Я Нестор, летописец мавзолея, Времен грядущих я Иеремия» [16, с. 177], «Простоволосая Агарь — сижу, В ширококую печаль — гляжу» [18, с. 180], «Быть может, Лазарь, уронив повязки, Был так же умилен родным селеньем...» [4, с. 223].

- Употребление в контексте единичной номинации, связанной с комплексом ассоциаций, организованных определенным библейским текстом: «Одним — карать и каяться, Другим — кончать Голгофой» [9, с. 334], «Явь от потопа до Евклида» [16, с. 240], «Во мне печаль, которой царь Давид По-царски одарил тысячелетья» [1, с. 148]. Судя по рассмотренному корпусу текстов, этот прием введения в текст поэтического библеизма — наиболее распространенный.

- Представление некоего краткого резюме библейской легенды, вмещающее все ее содержание: «Лазарь вышел из гробницы», «пляшет перед скинией Давид» [16, с. 213, 306], «Всех младенцев перебили по указу Ирода» [7, с. 110].

- Более или менее развернутый пересказ сюжета Писания: «Я — креститель. Я на Иордане Господа крестил. И обезглавлен Иродом» [2, с. 391]; «Волхвы пришли. Младенец крепко спал. Звезда светила ярко с небосвода» [15, т. 2, с. 314].

- Сопоставление лирического сюжета с сюжетом библейским, сопровождающееся его интерпретацией: «...Твоих небес родные своды Увидим ли, подобно тем Пришельцам в ночь Епифани, Окрест младенца и Марии Узревшим девственный Эдем?» [4, с. 147]; «В холодную пору, в местности, привычной скорей к жаре, чем к холоду, к

плоской поверхности более, чем к горе, младенец родился в пещере, чтоб мир спасти: мело, как только в пустыне может зимой мести» [15, т. 3, с. 127].

- Двойное соотнесение библеизма — с сюжетом собственно библейским и современным: «...мрамор бедер новой Сусанны сопровождаем при погружении в воду стрекотом кинокамер новых старцев» [15, т. 3, с. 154]; «Удостоверишься — повремени! — Что, выброшенной на солому, Не надо ей было ни славы, ни Сокровищницы Соломона. Нет, руки за голову заломив, — Глоткою соловьиной! — Не о сокровищнице — Суламифь; Горсточке красной глины!» [18, с. 196]; «...Райское яблоко года, когда я Буду как бог... Папоротники и пальмы, и *это Дерево*. Это, корзиной ранета, Раненой тенью вонзенное в зной, Дерево девы и древо запрета» [9, т. 2, с. 140].

7. Интересен также еще один аспект рассмотрения библеизмов в поэтическом тексте: выбор автором определенного сюжета из Писания.

При исследовании библеизмов в поэзии XX в. было выделено около 40 основных сюжетов, на которые указывают выбранные автором лексические единицы. Некоторые из них единичны, некоторые же служат предметом внимания многих авторов. Показательно, что подобных сюжетов не слишком много. Ветхозаветные и новозаветные сюжеты представлены примерно одинаково.

Закономерно, что среди новозаветных сюжетов, к которым отсылают библеизмы, самыми популярными являются два ключевых для религии и культуры в целом — рождество и распятие. Лексические единицы, репрезентирующие эти сюжеты, относятся как к именам собственным, так и к нарицательным. Это собственные существительные Мария, Иосиф, Вифлеем, Пилат, Каиафа, Голгофа, известные не только представителям христианской культуры, но и большинству образован-

ных людей в мире, и нарицательные существительные волхвы, звезда, пастухи, ясли, номинирующие основные сюжетобразующие евангельские реалии: «Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака, На лежащего в яслях ребенка, издалека, Из глубины Вселенной, с другого ее конца, Звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца» [15, с. 127].

Еще два «свернутых» сюжета, к которым отсылают библеизмы и которые упоминаются в текстах большинства рассмотренных авторов, — это Апокалипсис и Страшный суд, а также танец Саломеи. По-видимому, внимание к ним определили драматизм названных сюжетов и их идейная значимость как для религиозных носителей языка, так и для тех, кто интерпретирует подобные сюжеты исключительно в культурно-историческом плане. Ср.: «О стилизованный галоп коня, и пена по блестящим стременам, и всадник Апокалипсиса — к нам» [15, т. 1, с. 133], «И стоит в багровых звездах Кривда Страшного суда» [9, т. 1, с. 213], «И такая на кровавом блюде Голову Крестителя несла» [1, с. 314].

Другие новозаветные сюжеты, к которым отсылают библеизмы в поэтических текстах XX в., — бегство в Египет, моление о чаше, воскрешение Христа, притча о блудном сыне, притча о десяти девах, притча о милосердном самарянине, воскрешение Лазаря, пир в Кане, неверие ап. Фомы, явление на Фаворе и обращение Савла. Экспрессивность, связанная с изображением чуда и моментов высокого нравственного напряжения, вероятно, во многом определила выбор номинаций, указывающих именно на эти сюжеты.

Среди сюжетов Ветхого Завета наиболее значимы для поэтов XX в. три: Всемирный потоп, неопалимая купина и история Иакова. Естественно, события XX в. вызывают у поэта ассоциации, прямо соотнесенные с образом Всемирного потопа, как это можно видеть в стихотворении М. Волошина:

«Уже в петлях скрипела дверь И в стены бил прибой с разбега, И я, как запоздалый зверь, Вошел последним внутрь ковчега» [2, с. 197].

Образ неопалимой купины, символа не только Богоматери, но и всего высокого и нетленного, бессмертного, был особенно актуален для символистов. Однако словосочетание «неопалимая купина» стало также названием цикла М. Волошина, имеющего подзаголовок «Стихи о войне и революции», в котором *купина* олицетворяет Россию: «Мы погибаем, не умирая, Дух обнажаем до дна. Дивное диво — горит, не сгорая, Неопалимая Купина!» [2, с. 297].

История же Иакова и Рахили привлекает внимание именно как любовная история, что всегда значимо для лирики. Очень показательным, что современный автор, несмотря на то, что употребляет те же номинации, что и в Библии, обычно эксплицирует в тексте те события и чувства, которые опускает библейский повествователь: «Но стало в груди его сердце грустить, Болеет, как открытая рана, И он согласился за деву служить Семь лет пастухом у Лавана. Рахиль! Для того, кто во власти твоей, Семь лет — словно семь ослепительных дней» [1, с. 224].

Представляется, что перечисленные сюжеты — наиболее важные для поэзии XX в. в плане сюжетообразования из организованных библейской лексикой.

Таким образом, большое количество примеров употребления библеизмов в поэтических текстах XX в., разнообразие их функций, высокая содержательная, экспрессивная и эстетическая значимость этих единиц, многочисленность маркированных ими сюжетов дают все основания утверждать, что, независимо от мировоззрения автора, для его творчества чрезвычайно актуальны идейно-культурные языковые феномены, ставшие неотъемлемой частью мировосприятия и языковой картины мира нации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахматова Анна*. Избранное. СПб., 1998. 608 с.
2. *Волошин Максимилиан*. Стихотворения и поэмы. СПб., 1995. 704 с.
3. *Дубровина К. Н.* Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 264 с.
4. *Иванов Вячеслав*. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Кн. 1–2. СПб., 1995.
5. *Иванов Георгий*. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М., 1994. 656 с.
6. *Климович Н. В.* Библейзмы в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2010. 16 с.
7. *Маяковский В. В.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1987. 768 с.
8. *Оноприенко С.* Библейзмы современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1997. 16 с.
9. *Пастернак Борис*. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1–2. М., 1989.
10. *Романова Г. В.* Использование библейзмов в поэзии Марины Ивановны Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 20 с.
11. *Семенова Е. С.* Библейзм как средство речевого воздействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 20 с.
12. *Сергеева Е. В.* Библейзмы в лирике Вячеслава Иванова // Библия и европейская литературная традиция. Вып. 2: материалы XXXV Междунар. филол. конференции. СПб., 2007. С. 18–26.
13. *Сергеева Е. В.* Употребление библейзмов как элементов русской культуры в поэзии И. Бродского // Иосиф Бродский в XXI веке: материалы междунар. научно-исслед. конференции. СПб., 2010. С. 10–14.
14. *Сергеева Е. В.* Особенности употребления библейзмов в русской поэзии XX века // Сергеева Е. В. Избранное: сборник статей. URL: https://books.google.ru/books/about/Избранное_Сборник_ста.html?id=TmHiAwAAQBAJ&redir_esc=y (дата обращения: 24.01.2019).
15. Сочинения Иосифа Бродского. Т. 1–4. СПб., 1992–1995.
16. *Тарковский Арсений*. Белый день. М., 1998. 384 с.
17. *Фомина К. С.* Некоторые особенности функционирования библейзмов в современном поэтическом тексте. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_1-1_50.pdf (дата обращения: 21.01.2019).
18. *Цветаева Марина*. Избранные произведения. М.; Л., 1965. 810 с.
19. *Яцевич К. В.* Библейзмы в чешском литературном языке [на фоне русского и немецкого]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 20 с.

REFERENCES

1. *Ahmatova Anna*. Izbrannoe. SPb., 1998. 608 s.
2. *Voloshin Maksimilian*. Stihotvoreniya i poemyi. SPb., 1995. 704 s.
3. *Dubrovina K. N.* Bibleyskie frazeologizmyi v russkoy i evropeyskoy kulture. M.: FLINTA: Nauka, 2012. 264 s.
4. *Ivanov Vyacheslav*. Stihotvoreniya. Poemyi. Tragediya. Kn. 1–2. SPb., 1995.
5. *Ivanov Georgiy*. Sobranie sochineniy: v 3 t. T. 1. M., 1994. 656 s.
6. *Klimovich N. V.* Bibleizmyi v hudozhestvennom tekste: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnoyarsk, 2010. 16 s.
7. *Mayakovskiy V. V.* Sochineniya: v 2 t. T. 1. M., 1987. 768 s.
8. *Onoprienko S.* Bibleizmyi sovremennogo russkogo yazyika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 1997. 16 s.
9. *Pasternak Boris*. Sobranie sochineniy: v 5 t. T. 1–2. M., 1989.
10. *Romanova G. V.* Ispolzovanie bibleizmov v poezii Marinyi Ivanovny Tsvetaevoy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2003. 20 s.
11. *Semenova E. S.* Bibleizm kak sredstvo rechevogo vozdeystviya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver, 2003. 20 s.
12. *Sergeeva E. V.* Bibleizmyi v lirike Vyacheslava Ivanova // Bibliya i evropeyskaya literaturnaya traditsiya. Vyip. 2: materialyi NHHV Mezhdunar. filol. konferentsii. SPb., 2007. S. 18–26.

13. *Sergeeva E. V.* Upotreblenie bibleizmov kak elementov russkoy kulturyi v poezii I. Brodskogo // Iosif Brodskiy v NHI veke: materialyi mezhdunar. nauchno-issled. konferentsii. SPb., 2010. S. 10–14.
14. *Sergeeva E. V.* Osobennosti upotrebleniya bibleizmov v russkoy poezii HH veka // *Sergeeva E. V.* Izbrannoe: sbornik statey. URL: https://books.google.ru/books/about/Izbrannoe_Sbornik_sta.html?id=TmHiAwAAQBAJ&redir_esc=y (da-ta obrascheniya: 24.01.2019).
15. *Sochineniya Iosifa Brodskogo.* T. 1–4. SPb., 1992–1995.
16. *Tarkovskiy Arseniy.* Belyiy den. M., 1998. 384 s.
17. *Fomina K. S.* Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya bibleizmov v sovremennom poeticheskom tekste. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_1-1_50.pdf (data obrascheniya: 21.01.2019).
18. *Tsvetaeva Marina.* Izbrannyye proizvedeniya. M.; L., 1965. 810 s.
19. *Yatsevich K. V.* Bibleizmyi v cheshskom literaturnom yazyike [na fone russkogo i nemetskogo]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2003. 20 s.

Ван Аньди

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ВОДОЁМЫ»

Статья посвящена исследованию фразеологизмов и паремий с компонентами-зоонимами, соотносимыми с лексико-семантическим полем «водоём». Лексико-семантическое поле «водоём» представляет собой многочленную структуру, состоящую из лексико-семантических микрополей. Названия животных выделены во фразеологизмах и паремиях, находящихся на периферии поля. Показано, что исследуемые зоонимы используются для описания мира во всем его разнообразии — от характеристики человека, его внешних качеств и внутренних свойств, деятельности и поведения до характеристики абстрактных понятий («время», «количество», «качество, ценность»).

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, водоёмы, зоонимы, фразеологизмы, паремии, устойчивые сравнения, крылатые слова.

Wang Andi

PHRASEOLOGICAL UNITS AND PAROEMIAE WITH ZOONYMS CORRELATED WITH THE LEXICAL-SEMANTIC FIELD “A BODY OF WATER”

The article is devoted to the study of phraseological units and paroemiae that feature components defined as zoonyms correlated with the lexical-semantic field “a body of water”. This lexical-semantic field is a multilayer structure comprised of lexical-semantic microfields. The names of animals are marked out in phraseological units and paroemiae located on the periphery of the semantic field. The study demonstrates that such zoonyms can be used to describe the world in all its diversity from characterising people, their external qualities and internal properties, activities and behaviour, to characterising abstract concepts i. e. the concept of time, quantity, quality, value.

Keywords: lexical-semantic field, a body of water, zoonyms, phraseological units, paroemiae, figurative comparison, popular sayings.

Вся совокупность представлений о мире структурируется в сознании носителей языка в виде лексико-семантических полей (ЛСП), под которыми понимается «иерархическая

структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [10, с. 458]. При-